

УДК 911.3

ТОПОНИМИКА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЯКУТИИ: ПРОБЛЕМА ТЕКСТУАЛИЗАЦИИ

© 2019 г. О. А. Лавренова^{1,*}, В. В. Филиппова^{2,**}

¹Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия

²Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

*e-mail: olgalavr@mail.ru

**e-mail: filippovav@mail.ru

Поступила в редакцию 11.02.2018 г.; после доработки 01.06.2018 г.; принята в печать 30.11.2018 г.

В статье на основе анализа полевого материала, собранного при поддержке Российского научного фонда (проект №15-18-20047), рассмотрена проблема текстуализации топонимического пространства Якутии. Выявлено, что рассмотрение культурного ландшафта Якутии как текста связано со вторичным значением топонимии. Главной отличительной чертой топонимики Якутии является преобладание геологической, геоморфологической, природной семантики в местной топонимике. Установлено, что термины, связанные с вечной мерзлотой, не имеют аналогов и вошли в отечественную географическую науку. Данные термины нашли отражение и в топонимах. Отмечается, что топонимика как составляющая культурного ландшафта представляет собой один из ее смысловых слоев. Авторы на основе культурологического и семиотического подходов в анализе топонимики выделили особенности топонимического текста культурного ландшафта исследуемого региона. Топонимика как часть культурного ландшафта представляет собой один из его смысловых слоев. Культурно-семиотические подходы используются для выявления особенностей и закономерностей существования топонимического текста на исследуемой территории.

Ключевые слова: топонимика, текстуализация, культурный ландшафт, Якутия.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192129-136>

ВВЕДЕНИЕ

Культурный ландшафт (в культурологическом понимании) – феномен культуры, возникающий как результат взаимодействия культуры и пространства, ее “вмещающего ландшафта”. Помимо того, что природный ландшафт преобразуется через строительство населенных пунктов, систему землепользования, вырубки леса и прочее, он осмысливается культурой. Возникает взаимосвязанная с географическим пространством система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах и/или имеющих на территории свое материальное выражение [9, с. 13].

“Ландшафт является сложным комплексом, где наряду с овеществленными в форме природных и антропогенных тел существуют духовные, формирующиеся в процессе взаимодействия человека и природы, ценности. Основной функцией является передача от поколения к поколению национального наследия, т.е. объектов культурного наследия, находящихся в природной среде, и собственно ландшафтов, которые также являются элементом историко-культурного на-

следия” [10, с. 46]. Наиболее продолжительной во времени существования составляющей культурного ландшафта является топонимика. Она представляет собой один из смысловых слоев культурного ландшафта. Топонимика интересна как зафиксированный в пространстве результат его осмысления, начавшегося в глубине веков и продолжающегося по сей день. Благодаря топонимике возможно исследовать равно как архаические, так и сравнительно современные пласты культуры, так как “продукты номинации воссоздают облик номинатора с его коммуникативными установками, стереотипами мышления и т.п.” [2, с. 76]. И в случае с топонимикой субъектом этого процесса обычно является общность людей – этнос, значительно реже – отдельные исторические личности.

Морфология культурного ландшафта зависит не только от рельефа и вариантов землепользования, но и от степени освоения окружающего ландшафта населяющими территорию этносами. Это выражается, прежде всего, в топонимике, где каждый осмысленный элемент рельефа, рас-

тельности, животного мира обретает название, закрепляя в пространстве особенности места. В тех культурных ландшафтах, где антропогенное влияние практически стерло природные особенности места, топонимика зачастую остается как “память места”.

Топонимическое пространство интересно и само по себе, особенно если его интерпретировать как текст. Это возможно в рамках культурологического и семиотического подходов, в последнее время распространившихся и в географии. С другой стороны, “пространственный поворот” в гуманитарных науках сближает исследования культуры с географией, особенно если это касается различных аспектов пространственной семантики.

Итак, казалось бы, топонимия — набор закреплённых в пространстве собственных имен, семантическое пространство, которое “традиционно рассматривается как дискретное, не обладающее одним из основных свойств текста — свойством связности” [2, с. 74]. Но в исторической филологии уже давно были предприняты попытки представить список имен собственных как целостный текст. Например, Л.М. Щегинин рассматривал антропонимы в различных исторических списках и полагал, что “связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной аппеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы” [20]. В случае топонимического среза культурного ландшафта задача интерпретации этой информации как текста существенно облегчается. Вместо целенаправленно созданной “аппеллятивной части списка”, которая и сообщает ему свойство связности, ибо создает смысловой контекст и показывает причины и критерии создания списка, выступает культура и ее история. Культура универсальна как субъект создания всевозможных текстов в их широком культурологическом понимании — как упорядоченного семантического пространства. И топонимика вполне соответствует этим критериям.

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ТЕКСТА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

“Топонимический текст” культурного ландшафта обычно характеризуется следующими особенностями:

- смысловой неоднородностью, создающей специфическую морфологию смыслов;
- полимасштабностью, проявляющейся как изменение смысловых координат в зависимости

от рассматриваемого масштаба — от локального до регионального;

— многослойностью, обусловленной непосредственным соседством в пространстве архаических и современных смыслов, имеющих разный генезис и тем самым создающим эффект палимпсеста;

— связностью, обусловленной, прежде всего тем, что топонимика — часть целостного явления — культурного ландшафта, который логикой своего существования и обеспечивает смысловое взаимодействие казалось бы разрозненных топонимов. Кроме того, в традиционном культурном ландшафте большинство топонимов построено по сходным формулам.

В топонимическом поле Якутии, представленном на мелкомасштабных картах, наибольшее количество топонимов имеет якутское происхождение (25.6%), русское (16.0%), эвенкийское, эвенское и юкагирское происхождения (21.9%) [15]. Функционирование топонимов зависит от изменения этнического состава населения, общественного строя и других причин. Топонимия Республики Саха (Якутия), как и всех регионов России, многослойна. В ней сохранены топонимы многих языков алтайской семьи. Для местных жителей функционирование двух, трех названий одного географического объекта не вызывает удивления. Это явление можно объяснить этноязыковым процессом, освоением рек, речек неродственными этносами, племенами [5]. Соответственно, топонимическая составляющая якутского культурного ландшафта построена на взаимодействии нескольких языковых картин мира, и поэтому отличается разными формами построения и принципами семиозиса; тем не менее, она объединена в единое целое, а формирующая уникальный рисунок смыслов топонимическая формула независимо от языка неизменно регулярна.

Культурный ландшафт по определению *неоднородный*; в нем существуют узлы и лакуны смыслов, и места, заполненные смыслами довольно равномерно и мало вариативно. Это относится и к топонимическому слою культурного ландшафта. Пустое место в этой картине мира противопоставляется наполненному. Как писал В.Н. Топоров — в “довольно нейтральном топонимическом поле” существуют “сгущения” [16, с. 11], обусловленные значимостью в культуре тех или иных мест. В традиционной культуре это может быть как обитаемое место и его ближайшее окружение, так и, наоборот, отдаленные “страшные” места, имеющие инфернальную и/или топофобную семантику.

“Довольно нейтральное топонимическое поле” якутского ландшафта имеет свои особенности, отличающие его от многих других

этноландшафтов страны. Основная отличительная черта — в преваляции геологической, геоморфологической, природной семантики в местной топонимике. Разнообразие собственно форм рельефа, отраженных в якутском языке и положенных на карту, несравнимо с русской языковой картиной мира. Наиболее часто в топообразовании употребляются следующие географические номены: алаас (алас), күөл (озеро), көлүйэ (озерцо, пруд), үрэх (речка, речушка), үрүйэ (ручей), арыы (остров) и др. [12].

Якутские слова, связанные с вечной мерзлотой и не имеющие аналогов, вошли в отечественную географическую терминологию. Например, “алаас” и “булгуннах”. Термин “алас” вошел в отечественную географическую литературу в значении “плоские неглубокие впадины с лугово-степной растительностью, нередко с озерами на дне”. Такие впадины в условиях мерзлоты имеют термокарстовое происхождение [13]. Булгуннах — бугор вспучивания с ледяным ядром (гидролакколит) в тундре, на побережье арктических морей, в области вечной мерзлоты. Булгуннах (якут.) буквально означает изолированную возвышенность (бугорок, курган) независимо от ее происхождения. Но в географию булгуннах вошел как термин, обозначающий бугры наледного происхождения, т.е. связанные с термо-гидродинамическими процессами в грунтах [13, с. 86]. Эти термины широко используются в топообразовании.

Еще один народно-географический термин, встречающийся в топонимике “тарынг” (тарынг) — наледь (якут.). Это образование, обычное на реках, озерах или в долинах Сибири и Дальнего Востока, когда зимой вода, выступающая на поверхность замерзших рек, поймы, озера, долины быстро замерзает, образуя слой свежего льда. В течение долгой сибирской зимы оно достигает значительных размеров. Самый большой тарынг возникает в Улаханской долине р. Момы — правого притока Индигирки. Указывают на длину до 40 км, ширину до 3,5 км мощностью от 3 до 8 м [19, с. 6].

В якутских топонимах нашли также отражение народные географические термины, указывающие на морфологическую разновидность горного и равнинного рельефа. Например, “кураанах” — якут. 1) сухое, безводное место, 2) пустой, порожний, — характеризует водный режим местности.

Разнообразие ландшафтов Якутии нашло отражение в названиях рельефа. Примерами могут послужить с. Аргас в Кобяйском районе (от якут. “Арҕас” — верхняя часть, хребет далеко тянущейся горы, возвышенности); с. Тяня в Олекминском районе (от эвенк. “тээн” — равнина (на перевале); лес (на ровном водоразделе);

берег (террасовый); “тэмэ” — ровный (о местности); равнина, лужайка, равнинная местность); “кэлимсэ” — якут. 1) глыба, сплошная масса, 2) глыба мерзлой рыбы, — характеризует холмистый рельеф.

Часто встречаются топонимы Арыылаах (от якут. — с островом, с островками леса, с пашней или лугом среди леса, имеющий пашню или луг среди леса) [15].

Еще один значительный пласт якутских топонимов связан с основными обитателями территории — медведем, волком, совой и др.

В топонимах якутской этимологии также нашли отражение традиционные виды природопользования, тесно взаимосвязанные с природными ландшафтами Якутии и историческими факторами их освоения. Например, “Уолбут” — обозначает сенокосное угодье, образовавшееся на месте спущенного или высохшего озера; “Сылгы-Ыытар” — выгон для конного скота; луг, где пасутся лошади; “Хонуу” — народный географический термин: место, где можно косить и заготавливать сено или пускать скот на выпас [18].

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ САКРАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Особое место в топонимической картине мира Якутии занимают священные и/или страшные места, которые выделяются на остальном “довольно нейтральном” топонимическом фоне, формируя вектор смысловой “напряженности” семантического поля. Чувство страха иногда глубинным образом связано с чувством священного трепета, поэтому такие места зачастую могут совпадать. Кроме того, неподобающее поведение в священном месте согласно легендам может обернуться страшной карой.

В локальных ландшафтах традиционных этнокультурных сообществ довольно распространена сакрализация места через его имя. Иногда место называют святым не в качестве определительного для существующего топонима, но в качестве собственно имени или его части. Это своеобразный топонимический след религиозного ритуала, как языческого, так и христианского — деятельностного сценария, выводящего место из обыденного пространства в сакральное. По исследованиям русской топонимии, проведенным Е.Л. Березович, в традиционной культуре при назывании “...локус становится святым вследствие соседства с культовым объектом” [2, с. 223] или ритуалом, совершаемым в определенном месте. “...В сознании носителей топонимической святыне места связываются не только с соответствующими культовыми сооружениями, но

и с различными обстоятельствами, связанными с отправлением культа, а также со служителями культа” [2, с. 223].

Тот же самый процесс наблюдается и в якутском культурном ландшафте. Топонимы, связанные с религиозным и культовым понятием, указывают на место проведения религиозно-культовых мероприятий. В географических названиях встречаются термины шаманских обрядов, некоторые термины указывают на наличие культовых жертвоприношений и другие названия [4, с. 12].

В якутском языке слово “ытык” имеет значение “жертва, жертвенный; священный”. Соответственно, топонимы от этого слова представляют собой своеобразный простейший каркас сакрального пространства: Святой камень – Ытык таас, священное дерево – Ытык мас. Ытык-Кюель – Святое озеро – название райцентра Таттинского района (улуса), – в данном случае один из центров сакрального пространства совпадает с административным.

По всей территории Якутии встречаются топонимы от слова Ойуун (Оюн) – шаман, шаманский. В некоторых случаях происходит слияние архаического и сакрального ландшафтов, например, неолитическая стоянка Оюн-Хомото. “Ойуун” – шаман, шаманский. “Хомо” – с якутского “залив”. Можно предположить, что древние поселения ставились не на случайных местах, которые потом становились сакральными из-за их визуальных и морфологических характеристик.

Отдельный аспект сакрального пространства – топонимы, представляющие собой своеобразную связь с загробным миром, это места “страшные”, которые принято обходить стороной. Они образуются от слов “аранас” (арангас) – конструкция для погребения, воздушное захоронение, “унуохтаах” (унгуохтах) – имеющий кости; костистый, или могила, место, где находится могила. Часто встречаются топонимы, производные от “кэрэх” – жертва (злым духам). Захоронения – запретные места, в особенности захоронения шаманов. «Чаще всего они находятся на возвышении. Для того чтобы обозначить это место, на дерево вешают голову лошади. Не принято посещать и кладбища. Через три года после захоронения дорога на кладбище должна быть забыта – “нельзя прокладывать тропу” [3]».

Еще один элемент сакрального пространства обусловлен визуальным и функциональным доминированием элемента природного ландшафта. Чаще всего это имеет отношение к горам.

Значимые горы в составе своих имен имеют слово человек. Например, хребет Кисилях (Киһилээх), имеющий общую площадь 121 кв. км,

являющийся одним из доминантных горных систем Верхоянского района. Официальное географическое название было дано по широко используемому народному географическому термину “Кисилээх-Тас” – “человек-камень”, “каменный человек”. Что характерно – слово “камень” отпало само собой, горный хребет именуется человеком.

Горы, особенно если они сочетаются с равнинным или слабохолмистым рельефом их окружения, становятся выражением инаковости, иномирного и инициатического пространства. Гору перед любым восхождением надо задобрить, иначе она проявит свой характер. В топонимике это проявляется в категориях семейных отношений – как начало рода, начало всему, и – как выражение авторитарной силы, опять же вызывающей страх. В качестве примера можно указать вершину “Мать-гора” высотой 1622 м, находящейся в 25 км юго-восточнее от административного центра Верхоянского района – п. Батагай. Мать-гора является самой высокой точкой в окрестностях Батагая. Якутское название данной горы “Ыннаах” в переводе означает “страшный, жуткий”. *«По одной из легенд Мать-Гора дарует возможность бесплодной женщине рожать детей, а по другой – когда-то здесь жила Удаганка (шаманка, женщина-медведь). Летом она была в человеческом облике, а зимой становилась медведем и зимовала в берлоге. Охотники с эвенкийского рода “Орколю” нашли берлогу медведицы и убили ее, после этого род исчез в результате болезни»* [14].

Ландшафты, вызывающие чувство приязни и умиротворения, становятся проявлениями Космоса, центрами локального мира. В русской топонимике “исконная сакральность приписывается объектам двух типов: во-первых, гидрообъектам – озерам, родникам; во-вторых, порогам и скалам” [2, с. 224], которые отличаются “некоей положительной предельностью, высшей гармонией...” [17, с. 8]. Они могут быть вовлечены в пространство ритуала, могут остаться вне его, на уровне “святой” красоты, в конечном итоге символизирующей Божественную гармонию. А могут в топонимике обретать антропоморфные черты. Например, гидронимы якутского происхождения, имеющие в своем составе слово “Эбэ” – “бабушка” (ласкательное, почтительное имя моря, реки, озера). Иногда это слово применяется в уважительном назывании гидронимов без указания их наименования.

Инфернальные однозначно топофобные места, не вызывающие священного трепета, обычно имеют в своем составе слово “Кусаган” – якут. Куһаҕан – плохой. Зачастую это связано с собственными свойствами местности. Например,

русский путешественник В.К. Арсеньев отмечал: “Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде” [1, с. 10], – так формируются топофобные и топофильные локусы в геокультурном пространстве. В случае традиционных сообществ такие места окружаются ореолом мифов и легенд, закрепляющих их изначальное эмоциональное воздействие на человека.

СВОЙСТВА ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Полимасштабность топонимического слоя культурного ландшафта обуславливает разные вариации важных смысловых реперов на разных территориальных уровнях. Локальный уровень – это поселение/стоянка и ближайшее окружение. Именно ближайшее окружение служит причиной для называния, так как хозяйственная деятельность и передвижения в нем требуют точного объяснения маршрута. Такая топонимика изобилует хозяйственными подробностями. В якутских культурных ландшафтах важную роль играют якутские летние и зимние поселения, каждое из которых имеет свою типовую локальную топонимику. На наличие зимних поселений указывают топонимы “Кыстык” – зимник, “Кысынгы-Диэ” (Кыһынгы-Дьиэ) – зимний дом, летних – “Сайбылык” – летник.

«Кроме жилой юрты должен быть: хлев для скота – зимний “хотон”, летний “титиик”, загоны “дал”, изгородь – “кюрюё” (күрүө), “оттох кюрюё” (оттоох күрүө) – изгородь для раскладывания сена, “хасаа” (хаһаа) – крытое помещение для жеребят и доения кобыл, “тирбэс” (тиэрдэс) – обширная изгородь для пастбы упряжного скота и телят <...> при жилой юрте и амбаров, которые у бедняков заменялись “хоспохом” (хоспох) (кладовая амбарного типа)» [8, с. 210]. Иногда локальная топонимика используется на региональном уровне. Например “Сэргэ” – коновязь, которая является неотъемлемым атрибутом якутского двора, что также нашло отражение в топонимах. Места с этим названием иногда представляют собой возвышенности, семиозис происходит по визуальной схожести и значимости морфологического элемента ландшафта, сравнимого со значимостью коновязи в хозяйстве якутов.

Также в региональной топонимике используются, например, термины “ураса” (ураһа) и “балаган” (балаҕан), изначально применимые к элементам поселения якутов. “Ураса” – ста-

ринное жилище якутов в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых оленьими шкурами или обложенных берестой, древесной корой. Урасалах – чаще всего такое имя имеют речки и урочища. Балаган – юрта (якутская, построенная в виде усеченной пирамиды из тонких наклонно поставленных бревен).

Есть места, в названии которых используется слово “етех” (өтөх) – заброшенное местожительство, место, где ранее стоял дом; следы усадьбы, жилья, заброшенное жилье, заброшенная старинная усадьба. Во втором случае название происходит как своеобразное “присвоение”, “одомашнивание” неподконтрольных мест и стихий, злых духов, которыми согласно местной мифологии населено любое “страшное” место.

Многослойность архаических и современных смыслов, имеющих разный генезис, создает эффект палимпсеста в культурном ландшафте.

Самый простой пример семантической многослойности, создаваемой топонимикой, – это места, чьи названия несут в себе следы архаического состояния ландшафта или событий далекого прошлого. Например, места, ранее заросшие лесами, обезлесиваются, сохраняя особенности прошлого облика в топонимике. Богатые дичью – теряют свое промысловое значение, но сохраняют память о прошлом изобилии в своих названиях. Появляются новые точки на крупномасштабной карте – например, начинают разрабатываться месторождения алмазов, и эти локусы (карьеры и сопутствующие поселения) либо наследуют старую топонимику, связанную с особенностями местности (называются по имени близлежащих урочищ), либо получают новые названия, чаще всего русскоязычного происхождения, как, например, город и одноименный алмазный карьер Мирный.

Вновь открытые памятники археологии чаще всего получают название той местности, где они располагаются, поскольку вполне естественно, что восстановить исконное название стоянок и поселений неолита и палеолита не представляется возможным. Иногда древние святилища, не погребенные под слоем земли, чьи петроглифы, выбитые на скалах, остаются на обозрении местных жителей, имеют и соответствующую топонимику, включающую их в ранг святых/страшных/ритуальных. Такие места как бы “длятся во времени”, не меняя своей семантики веками, оставаясь одинаково священными в чреде сменяющих друг друга культур.

Или, например, Ичеляхское ущелье. Иччилээх – на якутском означает “имеющий хозяина, домового”, “обладающий таинственной силой, одушевленный”, “имеющий содер-

жимое”. Ущелье внесено в реестр памятников палеонтологии Верхоянского района. Здесь найдены палеонтологические остатки части скелетов бизонов, древних лошадей, череп овцебыка, позвонки, зубы, бивни, лопатки мамонта. Кости древних животных, находимые местными жителями, видимо, и побудили дать ущелью такое имя, тем более что бивни мамонта зачастую использовались для изготовления ритуальных предметов.

Связность топонимики обуславливается реальностью культурного ландшафта, который имеет внутреннюю логику формирования и существования. Топонимический слой семантики культурного ландшафта обусловлен миграцией и взаимной диффузией этносов. Якутские, эвенкийские и другие названия местностей тесно связаны с возникновением поселений, движением кочевий, хозяйственным использованием территорий. В конце XVIII – начале XIX в. “начинается крупномасштабное деревянное строительство – появляются города и села, полностью построенные из дерева, появляются остроги – деревянные крепости. Якуты перенимают срубные типы построек при строительстве жилых домов. <...> Появляются целые поселения скопцов, ссыльных поляков, немцев, татар...” [21, с. 36]. Вместе с поселениями внедряется и иноязычная топонимика. Соответственно, появляются и инвазии иноязычных топонимов в традиционном, преимущественно якутском, языковом ландшафте. Логика существования культурного ландшафта подразумевает взаимодействие центров традиционной и инновационной культур. Современные города и промышленные поселки, многие из которых были построены в советское время, выполняют роль “производственного каркаса”, хотя когда-то были символами наращивания индустриальной мощи страны и имеют соответствующую, преимущественно русскоязычную, топонимику. Города Якутск, Удачный, Мирный, Депутатский, Покров, Белая Горка, Верхоянск (верхнее течение р. Яны), Среднеколымск (среднее течение р. Колымы) составляют топонимический каркас Якутии на мелкомасштабной карте. В масштабах страны это имеет свою историческую логику, так как Якутия уже несколько веков является частью России, и на карте страны ее топонимика вписывается в общий контекст.

Этот аспект, запечатленный в географических названиях, взаимосуществует с мощным семантическим полем традиционной культуры якутов, ориентированной на природу вмещающего ландшафта, через топонимику переводящей природные условия в ранг знаков, закрепленных в пространстве. Сакральные места выполняют роль ступенек традиционной культуры. Такие города, как Якутск, возникшие еще в период казачьей

экспансии, стали многоплановыми и мультинациональными центрами, имеющими также многовариантную семантику.

Рассмотрение культурного ландшафта Якутии как текста связано с весомостью вторичного значения его топонимов. Важно иметь возможность использовать топоним как единицу текста и “способность имени к образованию вторичных (переносных) значений, т.е. к деноминации (ср. вторичные значения топонимов *Вавилон, Сибирь, Камчатка*)” [2, с. 19]. В масштабах страны один из наиболее значимых топонимов Якутии (и Магаданской области) – р. Колыма, символ ГУЛАГовского этапа истории страны. Вторичные, или переносные значения топонимов, представляют собой сообщения, но также работают и первичные смыслы, заложенные в процессе генезиса слова. Топонимика позволяет нам рассматривать тексты культурного ландшафта как свернутые мнемонические программы [11, с. 190], особенно если учитывать все ландшафтно-топонимические страны.

Значения географических объектов также зависят от их статуса в своеобразной матрице ландшафта: Центр – Провинция – Периферия – Граница. Структура ландшафта во многом определяет смысл, поскольку “смысл неотделим от структуры текста” [6, с. 65].

Логика знаковой системы культурного ландшафта нелинейна, если рассматривать ее как текст, то скорее подходит неклассическое понимание текста, как плетения смыслов, который “не знает ни конца, ни начала, ни внутренней иерархии, ни линейной упорядоченности, ни нарративной структуры” [7, с. 38]. Смысловыми эмфазами текста выступают те самые святы/страшные места, места “трудовой славы”, места, связанные с ГУЛАГом.

ВЫВОДЫ

Чтение текста культурного ландшафта – процесс сложный, иногда многоступенчатый, включающий в себя построение промежуточных когнитивных схем. Основным принципом таких методик служит преобразование латентной информации в пространственно-знаковую модель.

В результате “читатель” выступает как дешифровщик и интерпретатор культурных кодов, носителем которых выступает ландшафт, это особенно актуально, когда информация была “закодирована” иной культурой или культурой иной исторической эпохи. Топонимический слой культурного ландшафта читается обычно по карте. Это процесс не последовательный, а сообразный движению взгляда, который останавливается, прежде всего, на крупных объектах – городах, реках, горных системах. Позднее

внимание обращается на более мелкие, которые ко всему прочему на карте обозначены более мелким шрифтом. Соответственно, для русского-зычного человека семантика топонимики Якутии доступна только “в первом подходе” – преимущественно в русском ее варианте, которые по своей знаковой наполненности обычно нейтральны и отличаются и от основного топонимического фона, и от мест “сгущения смысла”. Для чтения большинства названий, имеющих якутский, эвенкийский и другой генезис нужен переводчик и “проводник” в традиции этих культур. Для знающего языки топонимический текст культурного ландшафта полон смыслов и подтекстов, более прозрачна его структура, взаимодействующая со смыслами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. М.: Географгиз, 1955. 349 с.
2. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.
3. *Дегтева Ж.Ф., Данилов Ю.Г.* Основные пространственные свойства традиционного культурного ландшафта народа саха // Интерактивная наука. 2016. № 1. С. 15–18.
4. *Иванов Н.М.* Монголизмы в топонимии Якутии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск: Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), 1997. 20 с.
5. *Иванов Нь.М.* Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) // Вестн. Северо-Восточного ун-та им. М.К. Аммосова. 2014. № 1. С. 92–99.
6. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
7. *Косиков Г.К.* “Структура” и/или “текст” (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., составление и вступит. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ “Прогресс”, 2000. С. 3–48.
8. *Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. издательство Республики Саха (Якутия), 1992. 576 с.
9. *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.
10. *Лавринова Н.Н.* Модель взаимодействия географического, культурного и сакрального ландшафтов // Вестн. ТГУ. 2015. Вып. 2. С. 44–51.
11. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
12. *Монастырев В.Д.* Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск: Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), 1993. 22 с.
13. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
14. Полевой материал автора (ПМА). Верхоянский район, п. Батагай. 2013.
15. *Свинобоева А.Ю., Саввинова А.Н., Филиппова В.В.* Географические карты как инструмент оценки топонимической информации // Современная наука: теоретический и практический взгляд / сб. статей Международной научно-практической конференции. Уфа: ООО “ОМЕГА САЙНС”, 2015. Т. 3. С. 263–269.
16. *Топоров В.Н.* Из области теоретической топонимистики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.
17. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: ИГ “Прогресс” – “Культура”, 1995. 624 с.
18. *Филиппова В.В., Саввинова А.Н.* Виды природопользования в топонимах Якутии (на примере анализа мелкомасштабных карт) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 146–151.
19. *Чистяков Г.Е.* Водные ресурсы рек Якутии. М.: Наука, 1964. 255 с.
20. *Щетинин Л.М.* Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики / отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1980. С. 163–168.
21. *Яковлев А.И.* Основные этапы становления культурного ландшафта Якутии // Тенденции формирования науки нового времени / сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 36–40 с.

REFERENCES

1. *Arsenyev V. Po Ussuriiskomu krayu* [Along the Ussuri Region]. Moscow: Geografiz Publ., 1960. 349 p.
2. *Berezovich E. Russkaya toponimiya v etnolingvističeskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect]. Yekaterinburg: Uralskii Univ., 2000. 532 p.
3. *Degteva Zh.F., Danilov Yu.G. Osnovnye prostranstvennye svoistva traditsionnogo kul'turnogo landshafta naroda Sakha* [The Main Spatial Properties of Traditional Cultural Landscapes of the Sakha People]. *Interaktivnaya Nauka*, 2016, no. 1, pp. 15–18. (In Russ.).
4. *Ivanov N. Mongol Words in Yakut Toponymy. Extended Abstract of Cand Sci. (Philol.) Dissertation.* Yakutsk, Academy of Science of the Republic of Sakha (Yakutia), 1997. 20 p. (In Russ.).
5. *Ivanov N. Functioning of the toponyms in the Republic of Sakha (Yakutia).* *Vestn. Severo-Vostochnogo Federalnogo Univ.*, 2014, no. 11, pp. 92–99. (In Russ.).
6. *Kagansky V.L. Kul'turnye landshafy i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and the

- Soviet Inhabited Space]. Moscow: NLO Publ., 2001. 576 p.
7. Kosikov G. "Structure" or "Text". In *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow: Progress Publ., 2000, pp. 3–48. (In Russ.).
 8. Ksenofontov G. *Uraanghai-sakhal. Ocherki po drevnei istorii Yakutov* [The Sakha-Urankhai. Notes about the Ancient History of the Yakuts]. Yakutsk, 1992, vol. 1. 576 p.
 9. Lavrenova O.A. *Prostranstvo i smysly: semantika kulturnogo landshafta* [Space and Meanings: Semantics of Cultural Landscape]. Moscow: Institut Naslediya, 2010. 330 p.
 10. Lavrinova N.N. The model of interaction between geographical, cultural and sacred landscapes. *Vestn. Tomskogo Gos. Univ.*, 2015, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.).
 11. Lotman I.M. *Istoriya i tipologiya Russkoi kul'tury* [History and Typology of the Russian Culture]. St. Petersburg: Iskustvo Publ., 2002. 768 p.
 12. Monastirev V. Structure and Semantics of Toponyms (The Case of Toponymy of the Right-Bank Districts of Central Yakutia. Extended Abstract of Cand Sci. (Philol.) Dissertation. Yakutsk, Academy of Science of the Republic of Sakha (Yakutia), 1993. 22 p. (In Russ.).
 13. Murzaev E. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Geographical Terms]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 653 p.
 14. Fieldwork Materials. Verkhoyansk district, Batagay village, 2013.
 15. Svinoboeva A., Savvinova A., Filippova V. Geographic Maps as a Tool of Assessing Toponymic Information. In *Sovremennaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Science: Theoretical and Practical View: Collection of Articles of the International Scientific-Practical Conference]. Chelyabinsk, Ufa: Omega Sains Publ., 2015, no. 3, pp. 263–269. (In Russ.).
 16. Toporov V.N. Issues of theoretical toponomastics. *Voprosy Yazykoznaviya*, 1962, no. 2, pp. 3–12. (In Russ.).
 17. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol: Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol, Image: Study of the Mytho-Poetic: Selected Works]. Moscow: Progress-Cultura Publ., 1995. 624 p.
 18. Filippova V.V., Savvinova A.N. Types of traditional land use in toponyms of Yakutia (Case study of small-scale maps). *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 19, pp. 146–151. (In Russ.).
 19. Chistyakov G.E. *Vodnye resursy rek Yakutii* [Water Resources of Yakutia]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 255 p.
 20. Shchetinin L.M. Anthropometric text as a source of historical information. In *Perspektivy razvitiya slavyanskoi onomastiki* [Prospects for the Development of Slavic Onomastics], Speranskaya M., Ed. Moscow, 1980, pp. 163–168. (In Russ.).
 21. Yakovlev A.I. Main stages in evolution of the Yakut cultural landscape. In *Tendentsii formirovaniya nauki novogo vremeni* [Trends in the Formation of the Modern Science]. Ufa: Bashkirskii Gos. Univ., 2014, pp. 36–40. (In Russ.).

Toponymics of the Cultural Landscape of Yakutia: Textualization Issues

O. A. Lavrenova^{1,*} and V. V. Filippova^{2,**}

¹*Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

*e-mail: olgalavr@mail.ru

**e-mail: filippovav@mail.ru

Received February 11, 2018; revised June 01, 2018; accepted November 30, 2018

The article considers the problem of textualization of the toponymic space of Yakutia on the basis of the analysis of the field material collected with the support of the Russian Science Foundation (project no. 15-18-20047). It has revealed that the consideration of the cultural landscape of Yakutia as text associated with the secondary meaning of toponymy. The main distinguishing feature of toponymics of Yakutia is the predominance of geological, geomorphological, natural semantics in the local toponymy. Toponyms of Yakutia associated with permafrost have no analogues and were included in Russian geographical terminology. As part of the cultural landscape, toponymics represents one of its semantic layers. The cultural and semiotic approaches are used to identify the features and patterns of the toponymic text existence in the study area.

Keywords: toponymics, textualization, cultural landscape, Yakutia.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192129-136>